

ПРЯТКИ

Злюся Романова

18+

Злюся Романова

Прятки

<https://litres.ru/74130352>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пятнадцать лет Даша верила: их с Русланом любовь — навсегда.

Он был её первой любовью, защитой, мужем, человеком, который когда-то пообещал быть рядом несмотря ни на что. Но одна случайно услышанная фраза разбивает её счастливый мир на осколки: Руслан полюбил другую.

Теперь Даше предстоит понять: можно ли вернуть сердце мужчины, который всё ещё рядом но мыслями уже не с ней?

ЭМОЦИОНАЛЬНО

БОЛЬНО

ХЭ

Содержание

Часть первая ДАША	4
Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	35
Глава 7	43
Глава 8	50
Глава 9	55
Г	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Злюся Романова

Прятки

Часть первая ДАША

Глава 1

Всего несколько дней — совсем чуть-чуть — и наступит наша хрустальная свадьба. Пятнадцать лет я замужем за самым прекрасным мужчиной на свете. Восемнадцать — как судьба наконец улыбнулась мне, подарив встречу с Русланом (моим дорогим Русом). Эти годы пролетели как один миг, но в то же время вместили в себя целую жизнь — столько было в них света, тепла и преодолений.

Я сижу в просторной гостиной нашего дома, укутавшись в мягкий кашемировый плед, и наблюдаю за ним. За моим мужем. За тем самым мальчишкой с непослушной челкой и внимательными серыми глазами, который стал моей опорой, защитой и любовью.

Нам с ним по тридцать три — мы ровесники. Но если в зеркале я уже замечаю первые тонкие морщинки у глаз, то годы словно шли ему только на пользу. Тот щуплый пятнадцатилетний подросток с сжатыми кулаками и взглядом,

полным вызова, превратился в крепкого, уверенного мужчину. Широкая спина, мощная шея, сильные руки — за этой спиной я чувствую себя в безопасности уже столько лет. Он — моя крепость, мое убежище от всех невзгод.

— Рус... — тихо зову его.

Он отрывается от бумаг, поворачивает голову. И в его глазах — та самая нежность, которую он хранит только для меня.

— Я люблю тебя, — шепчу беззвучно, одними губами.

Его губы трогает улыбка. Лоб, еще секунду назад напряженный от работы, расслабляется. Взгляд становится мягким, теплым. Он много трудился, чтобы мы жили так, как живем сейчас. Машины, квартира, загородный дом, стабильный бизнес — все это его заслуга. А я — его тихая гавань, место, где он набирается сил, чтобы снова и снова идти вперед.

Руслан — совладелец сети оптовых баз строительных материалов. Они с лучшим другом, Сашей, начинали с нуля: арендовали крошечный склад на окраине, разгружали фуры по ночам, считали каждую копейку. Потом к ним присоединился Ваня, и дело пошло в гору. Сейчас у них несколько крупных складов, десятки поставщиков, собственный автопарк. Руслан отвечает за логистику и переговоры — у него железная хватка и умение находить общий язык даже с самыми сложными партнерами. Саша ведает финансами («бухгалтерша», как подшучивает над ним Руслан), а Ваня обес-

печивает безопасность.

Сашу я знаю еще с детского дома — он и Руслан ближе, чем братья. Оба попали туда из неблагополучных семей, оба прошли через огонь и воду. А я... я появилась в их жизни позже. Но быстро стала той самой девушкой, которую оберегают и защищают.

Я — ребенок-отказник. О том, что я не нужна, узнала сразу после рождения. Один детский дом, потом другой... И там, среди серых стен и чужих лиц, я встретила его — свою первую и единственную любовь.

От воспоминаний меня отвлек звонок его телефона. Я вздрогнула.

Странно... Почти одиннадцать вечера. Кто может звонить так поздно?

Руслан взял трубку, его брови сдвинулись. Не сказав ни слова, он сбросил вызов.

— Кто это? — спросила я.

— Просто спам, — ответил он ровным голосом и снова углубился в документы.

Я придвинулась ближе, прижалась к его плечу.

— Может, спать? Уже поздно...

Он провел ладонью по моим волосам.

— Иди ложись. Я еще немного поработаю и присоединюсь.

Я поцеловала его в колючую щеку, встала, положила гитару на диван и, слегка прихрамывая, направилась в спальню

Природа наградила меня не только непутевыми родителями, но и проблемами со здоровьем. «Врожденный дефект конечности» — сухой медицинский термин, за которым скрывались годы боли, стыда и борьбы. Мы потратили много сил и денег, но полностью исправить ситуацию не удалось. Время было упущено.

Но несмотря ни на что, я нашла отдушину в творчестве. Сначала — вечерняя художественная школа, потом курсы игры на гитаре. Я всегда мечтала научиться рисовать и освоить музыкальный инструмент. И здесь Руслан стал моей опорой. Его вера в меня была сильнее моих сомнений.

Сейчас я занимаюсь веб-дизайном — создаю сайты и интерфейсы для небольших компаний. Это не приносит баснословных доходов, но дает возможность творить. Руслан в шутку называет мои заработки «на помаду», но на самом деле очень гордится мной. Иногда я беру заказы от его партнеров — разрабатываю сайты, делаю презентации.

Эта профессия — настоящая находка для меня. Она позволяет работать из дома, что жизненно важно. Проблемы с опорно-двигательной системой дают о себе знать частыми болями, но за компьютером я чувствую себя свободной. Здесь мои физические ограничения не имеют значения.

Каждый новый проект — это маленькая победа. Над обстоятельствами, над своей неуверенностью, над тем, что когда-то казалось невозможным. И за всем этим стоит он — мой Руслан, который верил в меня даже тогда, когда я сама

не верила.

Я подошла к зеркалу. Тургеневская девушка — так называется муж мою внешность. В отражении — все та же хрупкая фигура, как и восемнадцать лет назад: тонкие плечи, изящная шея, чуть острые ключицы. Темно-русые волосы с легкой волной... И среди них — один серебристый.

«Рано ты взялась сесть», — подумала я, но улыбнулась. Благородная старость, что ж...

В зеркале на меня смотрели темно-зеленые глаза с золотистыми вкраплениями — спокойные, чуть грустные. В них всегда была эта тень, оставшаяся с детства. Но теперь в них было еще и тихое счастье, которое дарил мне Руслан.

Я почти не изменилась. С чего бы? Он сдувает с меня пылинки, оберегает, любит. А я отвечаю ему тем же — всей душой.

Лишь одно облако висит над нами. Я так и не смогла забеременеть. Мы оба здоровы, врачи разводят руками... Но мы не сдаемся. Верим, что чудо случится.

Я выключила свет и вышла из ванной. В приоткрытую дверь видела затылок мужа, склонившегося над бумагами. Моего Руслана. Мужчину, который сделал меня счастливой

И этого уже было достаточно.

Глава 2

18 лет назад

Я вся дрожу. От страха, от холода — сама не понимаю. Они обступили меня, как стая голодных гиен, толкают, смеются, а я сжимаюсь в комок, будто это может меня спасти.

— Ну что, новенькая? — кто-то дергает меня за мокрый рукав. — Теперь ты наша!

Мои русые волосы свисают ледяными сосульками, руки покрылись мурашками. Они вылили на меня ведро воды — это они называли «посвящением».

Я только вчера перевелась в этот детский дом. Думала, здесь будет по-другому. Но нет... Всё то же самое.

Дети жестоки — я знала это лучше кого бы то ни было. А мне особенно не повезло: кроме невзрачной внешности, у меня была хромота. И этот проклятый дефект словно притягивал к себе злобные взгляды и насмешки.

Они что-то кричат, но у меня в ушах — вата. Я не слышу, не понимаю. Только одно желание — чтобы этот кошмар скорее закончился.

Я падаю на корточки, закрываю голову руками. Может, они отстанут? Может, меня просто не станет?

И вдруг — тишина.

Осторожно разжимаю пальцы, поднимаю взгляд.

Кто-то расталкивает толпу. Высокий парень с резкими

чертами лица приседает рядом. Его серые глаза смотрят на меня без насмешки, без злости.

— Вставай.

Он протягивает руку. Я замираю: спаситель или новый мучитель?

Но что мне терять?

Я цепляюсь за его пальцы, и он крепко сжимает мою ладонь.

— Идём.

Мы идем по длинным коридорам, за нами шаркает шагами еще один парень — пониже, с взъерошенными темными волосами.

Я молчу. Они тоже молчат.

Куда ведут? Не знаю. Я тут всего второй день.

Останавливаемся в темном закутке. Сердце колотится — что они задумали?

Высокий пододвигает ко мне старый табурет на железных ножках.

— Садись.

Голос грубоватый, но без злости. Я послушно опускаюсь.

Потом он достает большую тряпку — похожую на выцветшую простыню — и накидывает мне на плечи.

Ткань шершавая, но сухая. Я закутываюсь, и тепло медленно возвращается.

— Ты кто? — спрашивает тот, что пониже.

Я шевелю губами, но голос не слушается.

— Даша...

Он ухмыляется, но глаза добрые.

— Не бойся, Даша. Мы тебя не тронем.

Высокий кивает.

— Я Руслан. Это Сашка.

Руслан стоял рядом, засунув руки в карманы, а Саша прислонился к стене, скрестив ноги.

— Тебя в какой корпус определили? — спросил Руслан, присматриваясь ко мне.

Я пожала плечами, сжимая края ткани пальцами.

— Не знаю... Вчера просто сказали спать в девятом.

Саша фыркнул:

— Там мышь по ночам бегает.

Я вздрогнула, и Руслан резко толкнул его локтем.

— Заткнись, дурак.

Потом вздохнул, провел рукой по коротко стриженным волосам.

— Ладно. Будешь с нами.

Я раскрыла рот, но не успела ответить — где-то в коридоре раздались шаги.

— Воспиталка! — шикнул Саша, резко выпрямляясь.

Руслан схватил меня за руку, рывком поднял и толкнул в узкую щель между шкафами.

— Молчи и не шевелись.

Я прижалась к стене, затаив дыхание.

— Вы опять без дела шляетесь?! — раздался резкий го-

лос.

— Мы в туалет шли, Марья Ивановна, — спокойно ответил Руслан.

— А это что?! — заскрипел пол — она ткнула ногой в мокрую простыню на полу.

— Котёл в столовой протёк, — без запинки солгал Саша.
— Мы тряпкой вытирали.

Долгая пауза.

— Чтобы через пять минут были в спальнях! — бросила воспитательница, и её шаги затихли вдали.

Я выползла из укрытия, всё ещё дрожа.

— Вы... всегда так? — прошептала я.

Руслан усмехнулся:

— Ага. Выживаем как можем.

Саша поднял простыню, небрежно отряхнул и сунул мне в руки:

— Держи. Пригодится.

Я сжала ткань, впервые за сегодня почувствовав что-то вроде безопасности.

— Спасибо...

— Не за что, — бросил Руслан, разворачиваясь к выходу.

— Завтра после завтрака жди нас у столовой.

— Зачем?

Он остановился, не оборачиваясь:

— Научим, как тут выживать.

И они ушли, оставив меня одну — но уже не такую бес-

ПОМОЩНУЮ.

Глава 3

Я лежала в полудреме, когда ощутила, как кровать подо мной мягко прогнулась под знакомым весом. Даже не открывая глаз, я узнала это едва уловимое изменение – Руслан наконец закончил дела и пришел. Губы сами растянулись в улыбке, когда матрас начал принимать форму его тела, наполняя пространство вокруг теплом, которое исходило от него.

Повернувшись, я устроилась на его плече, как делала это тысячу раз за наши годы вместе. Это место стало моей крепостью, убежищем от всех тревог. Пальцы сами потянулись к волоскам на груди, запутываясь в мягких завитках, а губы прильнули к коже, впитывая знакомый аромат – смесь дорогого парфюма, легкой усталости и чего-то неуловимого, что было сугубо его.

Под щекой я чувствовала ровный стук его сердца – спокойный, размеренный, но постепенно учащающийся по мере того, как мои пальцы начинали свое медленное путешествие по его телу. Я нежилась в его тепле, в этом моменте долгожданной близости после дня, проведенного порознь.

Как же я скучала по нему, даже за эти несколько часов разлуки. Когда обстоятельства вынуждали его ночевать не со мной, я ворочалась всю ночь, а утро встречала разбитой и опустошенной. Но Руслан знал это, чувствовал на рассто-

нии, и всегда старался как можно скорее завершить дела, чтобы вернуться ко мне.

Мои ладони скользили по его груди, ощущая под пальцами знакомый рельеф мышц, едва заметные шрамы – немые свидетельства нашей общей истории. Они опускались ниже, к плоскому животу, плавно обводя пупок, и я почувствовала, как его тело напряглось в ответ на мои прикосновения. Его дыхание стало глубже, тяжелее, и я поняла без слов – он уже не уснет.

Я приподнялась, чтобы встретиться с его взглядом. В полумраке спальни его серые глаза казались темнее обычного, полными того же желания, что пульсировало и во мне. Он медленно провел рукой по моей спине, его прикосновение было одновременно нежным и властным, словно говорило: «Я тоже скучал, тоже жаждал этого момента».

Наши губы встретились в неторопливом поцелуе, который постепенно становился глубже, страстнее. Его руки скользили по моему телу с той самой бережной уверенностью, которая заставляла меня таять – он знал каждый изгиб, каждую чувствительную точку. В его объятиях я чувствовала себя одновременно хрупкой и сильной, желанной и любящей.

Это не был порывистый секс первых месяцев отношений – это было медленное, осознанное единение, где каждое касание говорило: «Я помню», «Я знаю», «Я люблю». И когда в финале наши тела слились воедино, это было не просто физическое удовлетворение, а возвращение домой – в то самое

место, где мы были по-настоящему собой.

После, обнявшись и постепенно возвращая дыхание в норму, мы лежали, переплетаясь, как корни старых деревьев. Его пальцы нежно перебирали мои волосы, а я прижималась щекой к его груди, слушая, как его сердце успокаивается.

Тепло его тела, ровное дыхание и мерный стук сердца под щекой постепенно убаюкали меня. Я незаметно провалилась в сон – глубокий, спокойный, какого небывало, когда он не рядом.

Проснулась я от привычного щелчка входной двери – Руслан уже ушел.

Кровать с его стороны была пуста, но простыни еще хранили тепло его тела, а подушка – едва уловимый след его аромата. Я потянулась к ней, прижалась лицом, закрыла глаза. Он всегда уезжал рано – пока город еще спал, а первые лучи солнца только начинали золотить горизонт.

В кухне на столе дымилась кружка с облепиховым чаем – золотистый пар струился над ней, смешиваясь с первыми лучами утреннего солнца. Он всегда заваривал его, едва вставая, зная, как я люблю этот терпкий, согревающий вкус.

Рядом лежала записка. Его размашистый почерк, с резкими линиями и чуть неровными буквами, всегда вызывал у меня улыбку – точь-в-точь как он сам: внешне строгий, непререкаемый, а внутри – теплый, как этот самый чай.

«Твои утренние витамины. Сегодня задержусь.»

Я аккуратно свернула листок и добавила к стопке в ящике

– нашей немой летописи из сотен таких же записок. Каждая – как маленькое признание, напоминание, что даже в его бешеном рабочем ритме я всегда занимаю главное место.

Чашка приятно согревала ладони, а мысли уже выстраивали сегодняшний маршрут.

Через час – массажист. Уже много лет эти сеансы стали моим спасением. Сильные, знающие руки разминают зажатые мышцы, и на какое-то время боль отступает, давая передышку.

Вечером бассейн. Три раза в неделю, как ритуал. Вода... Она дарит мне ощущение, которого лишает реальность – легкости, свободы движений. Помню, как впервые после диагноза врач осторожно сказал: «Плавание поможет». Руслан в тот же день привез мне клубную карту с золотым тиснением – без лишних слов, просто положил на стол со своим обычным «Это теперь твое».

В первые дни я робко держалась у бортика, боясь оторвать ноги от дна. Вода казалась такой холодной и чужой, а моё тело – таким непослушным. Но постепенно, шаг за шагом, я научилась доверять воде. Сначала просто держаться на поверхности, потом – первые неуверенные гребки.

Как же я помню тот день, когда мне наконец покорился брасс! Потом пришёл черед кроля, плавания на спине... Каждый новый стиль давался с трудом – мышцы ныли, дыхание сбивалось, но я продолжала. И когда впервые проплыла без остановки триста метров, счастье переполняло меня так, что

хотелось кричать от восторга.

Сейчас, вспоминая то время, я машинально касаюсь браслета на запястье - красные нити уже слегка выцвели, но маленькое серебряное сердечко по-прежнему блестит, как новое. "Навсегда" - гласит гравировка.

Этот браслет стал моим талисманом в тот незабываемый вечер, когда Руслан сделал предложение. Помню, как его тёплые пальцы дрожали, завязывая узел: "Чтобы помнила. Я всегда буду рядом".

И я помню. Каждый день.

***

Выйдя во двор, я невольно улыбаюсь при виде своего алого Range Rover Evoque. Помню, как Руслан водил меня по автосалонам, а я выбрала именно эту модель - не за мощность двигателя или вместительный багажник, а за этот жизнерадостный, словно предвещающий счастье, цвет.

"Ты должна быть свободной," - говорил он тогда, терпеливо объясняя мне азы вождения. Теперь, сядя за руль, я особенно остро чувствую ценность этих слов. Да, Руслан всегда готов подвезти меня, но возможность самой решать, когда и куда ехать — это не просто удобство. Это подтверждение того, что мои ограничения - не приговор.

Особенно важно помнить об этом в те дни, когда боль напоминает о себе с новой силой. В такие моменты я закрываю глаза, вдыхаю поглубже - и снова вижу себя той испуганной девчонкой, которая боялась даже перейти улицу в одиночку.

Как далеко мы зашли с тех пор!

Пока его вера во мне не иссякнет - а я знаю, что никогда не иссякнет - я буду продолжать идти вперед. Пусть маленькими шажками, пусть иногда через боль - но обязательно вперед.

Машина плавно трогается с места. После сеанса массажа тело будто стало легче, и я направляюсь в сторону «Лебединого» — того самого ресторана, что стал немым свидетелем самых важных моментов нашей жизни. Сердце замирает при одной мысли о его белоснежных колоннах и огромных окнах, сквозь которые льется теплый золотистый свет.

Я выбрала это место не случайно. Пятнадцать лет назад мы сидели за угловым столиком у фонтана, отмечая первый крупный контракт Руслана. Тогда он, еще юный предприниматель с горящими глазами, с гордостью заказал самое дорогое вино в меню, а я, сжимая его руку, чувствовала, как дрожат его пальцы от волнения.

А через пять лет мы вернулись сюда уже другими — уверенными, состоявшимися, но такими же влюбленными. До сих пор храню ту фотографию: Руслан в темно-синем костюме обнимает меня за талию, а за нашим столиком мерцают десятки свечей. Рядом — наши самые верные друзья, такие же счастливые, как и мы.

На десятилетие брака Руслан сам предложил вернуться в «Лебединый». «Зачем нарушать добрую традицию?» — улыбнулся он тогда.

И вот теперь, спустя пятнадцать лет, я снова еду туда. К нашему месту. К нашей истории. К новому дню, который станет еще одной страницей в книге нашей любви.

Глава 4

Пятнадцать лет назад

Мы подошли к маленькому деревянному домику, который едва проглядывал сквозь буйные заросли. Ветви старых яблонь и груш, сплетаясь в плотный навес, почти полностью скрывали его от посторонних глаз. Высокая трава, местами по пояс, колыхалась под легким ветерком, словно пытаясь стереть последние следы человеческого присутствия. Казалось, время здесь остановилось - настолько густо сплелись вокруг заросли, так тихо и заброшенно было это место.

Но первое впечатление обманчиво.

Всего год назад здесь еще теплилась жизнь. В этих стенах доживала свой век пожилая женщина, которая перед смертью завещала дом Руслану - единственному родственнику, о существовании которого он даже не подозревал.

За все восемь лет, проведенных в детском доме, никто из родственников не навещал его. Ни писем, ни подарков, ни теплых слов. Казалось, у него нет ни корней, ни прошлого.

Но судьба преподнесла неожиданный сюрприз.

И вот мы стоим у покосившейся калитки, чьи ржавые петли с жалобным скрипом пропускают нас внутрь. Добирались сюда почти три часа: сначала душная электричка, потом автобус с разбитыми сиденьями, и наконец - три километра пешком по песчаной дороге, когда рюкзаки с самым необхо-

димым казались все тяжелее с каждым шагом.

Участок предстал перед нами во всей своей заброшенной красе. Разрушенная теплица с остатками стекол, похожими на осколки прошлой жизни. Клумбы, где когда-то цвели пионы и мальвы, теперь заросли сорняками. Где-то среди травы виднелись остатки старой садовой мебели - немые свидетели былых летних вечеров.

Дверь в дом, к нашему удивлению, не была заперта. Внутри нас встретила небольшая прихожая, больше похожая на коридор, с облупившимися обоями и стареньким платяным шкафом. За ней - единственная жилая комната, в центре которой гордо возвышалась настоящая русская печь. Когда-то белоснежная, теперь она была покрыта слоем сажи и паутиной, словно кружевной вуалью.

Мы переглянулись. Дом явно не был приспособлен для комфортной жизни - газа нет, туалет на улице, только чудом сохранившееся электричество. Руслан подошел к щитку, пощелкал выключателями - и вдруг, как по волшебству, замигала старая лампочка под потолком.

Пыль висела в воздухе, но странным образом здесь не было ощущения запустения. Видимо, хозяйка до конца поддерживала какой-то порядок.

К вечеру, когда первые сумерки начали сгущаться над садом, мы развели костер у реки. Аромат жареных сосисок смешивался с запахом дыма и хрустящего хлеба. Ветер играл моими волосами, а где-то вдалеке перекликались лягушки,

создавая странное ощущение уюта среди этой заброшенности.

Именно тогда Руслан неожиданно повернулся ко мне. Его глаза, обычно насмешливые, стали невероятно серьезными. "Даш, - начал он, и мое сердце забилося чаще, - я всегда хочу быть рядом с тобой".

Я почувствовала, как по щекам разливается горячая краска. Ведь я давно была влюблена в Руслана, но он всегда воспринимал меня только как друга, нуждающегося в поддержке. Не решаясь ответить, я затаила дыхание, ожидая продолжения.

Он медленно полез рукой в карман джинсов и достал оттуда браслет из красных ниток с подвеской в форме сердца. Взяв мою руку, он нежно погладил внутреннюю сторону запястья, глядя мне прямо в глаза. Его губы коснулись пульсирующей вены, а затем он повязал браслет мне на руку. В лучах заходящего солнца сверкнула гравировка: "Навсегда".

— Чтобы помнила. Я всегда буду рядом, — произнес он тихо, но так, что каждое слово отозвалось эхом в моей груди.

Потом он приблизился и коснулся моих губ своими. Первый поцелуй был неловким, робким, словно он боялся меня спугнуть. Я зажмурилась, чувствуя, как дрожат мои ресницы. Руслан знал, что это мой первый поцелуй. Его пальцы осторожно впелись в мои волосы, а я, забыв про стеснение, притянулась к нему ближе, ощущая, как его сердце бьется в унисон с моим.

Он не торопился. Каждое прикосновение было вопросом, на который я отвечала без слов. Когда его ладонь скользнула под мою футболку, коснувшись ребер, я вздрогнула — не от страха, а от нового, незнакомого ощущения. Его дыхание участилось, губы опустились на шею, затем на ключицу, и каждый поцелуй оставлял на коже невидимый след.

— Даш... — прошептал он, и в этом хриплом шепоте было столько нежности и желания, что у меня перехватило дыхание.

Я могла лишь молча кивнуть, слова застряли в пересохшем горле. Его ладонь, теплая и чуть шершавая, медленно скользнула вверх по моему боку, заставив кожу вспыхнуть мурашками. Когда его пальцы осторожно обхватили грудь через тонкую ткань бюстгалтера, я невольно затаила дыхание, чувствуя, как под его прикосновением тело будто пробуждается ото сна.

Между нами повисло напряженное молчание, нарушаемое только треском догорающих углей и нашим учащенным дыханием. Я видела, как его кадык нервно вздрогнул, когда он начал дрожащими пальцами искать застёжку. Каждое неловкое движение, каждый прерывистый вдох выдавали его волнение — он, всегда такой уверенный, сейчас был уязвим, как мальчишка.

И когда наконец раздался щелчок расстегивающегося бюстгалтера, прохладный вечерний воздух обжег обнаженную кожу. Но прежде чем я успела смутиться, его ладони уже

согревали меня, и контраст между холодом ночи и жаром его прикосновений вырвал из груди произвольный стон - глухой, сдавленный, полный стыдливого восторга.

Он приподнялся, и в его движениях чувствовалась тревожная осторожность, словно он боялся разбить хрупкий момент. Его пальцы дрожали, когда он снимал с меня последние остатки одежды, и я видела, как его собственное тело напрягается в ожидании. Джинсы, давно ставшие ему тесными, соскользнули на траву, и я невольно опустила взгляд, застигнутая врасплох его возбуждением.

Теплая ладонь тут же закрыла мне глаза, а его голос прозвучал хрипло, почти с мольбой:

— Не смотри так... я не выдержу...

Я почувствовала, как его тело содрогнулось, когда он наклонился ближе. Его лоб прижался к моему, горячий и влажный, а дыхание стало прерывистым, будто он бежал долгий марафон. Первый толчок принес острую боль, заставившую меня вскрикнуть, но она быстро сменилась странным чувством наполненности.

— Прости... — прошептал он хрипло.

Я провела рукой по его спине, чувствуя, как под пальцами пробегают мурашки.

— Не надо... — ответила я. — Все правильно.

И тогда он снова поцеловал меня, а я, забыв про боль, полностью растворилась в этом мгновении — в его запахе, смешанном с дымом костра, в тепле его кожи, в тихом стоне,

который сорвался с его губ, когда все закончилось.

Мы лежали, сплетясь, как те самые нитки на браслете. Руслан гладил мою руку, где теперь красовалось "Навсегда", и вдруг сказал твердо:

— После сегодняшнего... ты обязана выйти за меня.

Это не было ни предложением, ни вопросом. Просто констатация факта.

Я рассмеялась, но он не улыбнулся в ответ. Только крепче притянул меня к себе, и я услышала ровный, уверенный стук его сердца — как обещание.

— Ладно, — прошептала я, прижимаясь щекой к его груди. — Я выйду за тебя замуж.

— Я буду с тобой всегда, что бы ни случилось. Запомни это.

И я запомнила.

Где-то над нами, в потемневшем небе, зажглись первые звезды — немые свидетели этой странной, неловкой, но самой важной в нашей жизни клятвы.

Глава 5

Солнечные блики играли в хрустальных подвесках огромной люстры "Лебединого", когда я переступила его порог. Высокие потолки с лепниной в виде виноградных лоз, стены цвета сливочного масла, украшенные картинами в позолоченных рамах, белоснежные скатерти с тончайшей вышивкой — здесь каждый элемент хранил частичку нашей истории.

— Десятое число, — сказала я метрдотелю, перебирая варианты меню. Голос звучал странно глухо в собственных ушах. — Утиная грудка с вишневым соусом, салат "Цезарь"...

Мои пальцы замерли на странице. Все те же блюда, что и пять лет назад. Те же, что и десять. Наш маленький ритуал, наша традиция.

Выйдя из прохладного полумрака ресторана на летнее солнце, я остановилась на верхней ступеньке, закрыв глаза и глубоко вдохнув полной грудью. Воздух был густым и сладким от аромата цветущих лип.

Предвкушение праздника смешивалось с легким беспокойством. В последние недели что-то изменилось, между нами. Руслан стал другим: его поцелуи стали механическими, взгляд — рассеянным, а мысли — где-то далеко. Несколько дней назад я застала его у окна — он курил, глядя в ночь,

и не заметил, как я стою в дверях уже несколько минут. Он опять взялся за свою дурную привычку, хотя уже несколько лет бросил курить.

"Просто устал", — говорил он, когда я осторожно спрашивала, прижимая меня к себе и зарываясь носом в волосы. Но я-то знала его слишком хорошо за эти годы. Что-то было не так.

И в этот момент, когда я уже собиралась идти к своей машине, сердце резко сжалось в груди, будто предчувствуя беду.

На парковку, с тихим шуршанием шин по нагретому асфальту, заруливало черное BMW — точь-в-точь, как у Руслана.

Не может быть...

Сердце бешено заколотилось, когда я разглядела за рулем знакомый профиль. Руслан. Мой муж. Его пальцы в так знакомом мне жесте постукивали по рулю в ритме какой-то мелодии.

Но радость от неожиданной встречи рассыпалась в прах, когда я увидела пассажирку.

Медленно, как в плохом сне, я наблюдала, как он выходит из машины. Все те же плавные движения, которые я знала наизусть за пятнадцать лет — как он поправляет рукав рубашки, как слегка наклоняет голову, слушая что-то...

— ...и потом он просто взял и... — его слова растворились в ее звонком смехе, когда он открыл ей дверь.

Девушка запрокинула голову, и солнечные лучи, словно золотые нити, запутались в её каштановых локонах. Её смех — звонкий, переливчатый, будто весенний ручей — больно отозвался где-то глубоко в груди. Я машинально прикусила губу до боли, чувствуя, как холодные мурашки пробежали по спине.

Я так не умею смеяться.

Во мне нет этой беззаботной искренности. Моя улыбка — всегда чуть сдержанная, словно я постоянно помню о чем-то важном. Если эта девушка была похожа на стремительный горный поток, весело прыгающий по камням, то я — на глубокое озеро в предзакатный час: спокойное, безмолвное, хранящее свои тайны в неподвижных водах.

Они медленно приближались к входу, неспешно беседуя, когда внезапно — словно по какому-то неведомому сигналу — Руслан поднял голову, и наши взгляды столкнулись в воздухе, будто два корабля в тумане.

В его глазах — этих знакомых до боли серых глазах, в которых я привыкла читать как в открытой книге — промелькнула целая буря эмоций. Сначала искреннее, почти детское удивление, широко раскрытые зрачки. Затем — что-то похожее на испуг, когда его брови чуть дрогнули. И наконец... была ли это вина? Или просто досада?

Но прежде, чем я успела разобраться в этом калейдоскопе чувств, его лицо вновь стало гладким, как поверхность озера в безветренный день. Он быстро овладел собой, но эти до-

ли секунд рассказали мне больше, чем могли бы рассказать часы объяснений. В этом мгновенном провале в его обычной уверенности я увидела то, что, возможно, не была готова увидеть.

— Даша, — он подошел ближе, слегка нахмурившись. — Как ты тут?

А потом сам ответил, вспомнив:

— Ах да, банкет...

Я не отвела взгляда, чувствуя, как кровь стучит в висках. Где-то на периферии сознания я отметила, как девушка слегка отошла в сторону, делая вид, что изучает меню у входа.

— А ты? — вырвалось у меня, и собственный голос прозвучал чужим, хриплым, будто я много часов не пила воды. В горле стоял ком, мешающий сделать глубокий вдох.

Его пальцы легли на мое плечо — знакомый, тысячу раз повторенный жест утешения. Но сейчас его прикосновение, обычно такое теплое и успокаивающее, обожгло, как раскаленный металл.

— Это мой секретарь, — произнес он ровным голосом, слишком ровным для такой неожиданной встречи. — Кстати, тоже Даша. Какое совпадение, правда?

Уголок его губ дрогнул в полуулыбке, которую я знала лучше собственного отражения. В глазах вспыхнула искорка — та самая, что зажигалась, когда он рассказывал о своих новых проектах или вспоминал наши студенческие годы. Но сейчас она горела для кого-то другого.

— Переговоры затянулись, — продолжал он, слегка пожимая плечами в том жесте, который всегда выдавал его легкое смущение. — Решили пообедать перед тем, как ехать обратно в офис.

В НАШЕМ ресторане?

Эти слова гулко отдавались в моей голове, но губы уже сами сложились в автоматическую улыбку. Я почувствовала, как киваю, будто марионетка, чьи нити дергает кто-то другой.

— Понятно, — прозвучало неестественно спокойно, хотя внутри все кричало.

— Присоединишься? — спросил он, и в его голосе не было ни тени сомнения или вины. Лишь обычная, будничная уверенность, словно ничего особенного не произошло.

Я заставила себя сделать шаг вперед, ощущая, как ноги стали ватными. Взяла его под руку, намеренно плотнее прижавшись, оставив ту... другую Дашу позади. Мои пальцы вцепились в его рукав так сильно, что, должно быть, оставили складки на дорогой ткани. Но мне было все равно. В этот момент мне нужно было ощутить его рядом, убедиться, что он все еще мой, хотя где-то в глубине души уже начала расти ледяная уверенность — что-то безвозвратно изменилось.

Мы заняли наш привычный столик у фонтана. Струйки воды переливались в свете люстр, создавая танцующие блики на белоснежной скатерти. Я машинально провела ладонью по знакомой резной спинке стула, повесив на нее сумку,

в то время как мои глаза украдкой изучали ее.

Она сидела напротив, изящно склонив голову набок. Миловидное овальное лицо с аккуратным носиком-пуговкой. Большие карие глаза, обрамленные густыми ресницами - слишком густыми, чтобы быть натуральными. Когда Руслан что-то рассказывал, она слегка прищуривалась, и в уголках ее глаз собирались мелкие морщинки - точь-в-точь как у меня, когда я сосредотачиваюсь. Ее пальцы - такие же длинные и тонкие, как мои - нервно перебирали край салфетки. Даже манера слегка прикусывать верхнюю губу, когда она задумывалась... Мы были похожи. До жути похожи. Это осознание обожгло меня изнутри, будто глоток обжигающего алкоголя.

Руслан разговаривал с официантом, делая заказ. Его голос звучал ровно и спокойно. Но я видела: его пальцы постукивали по столу выдавая внутреннее напряжение. Я чувствовала это. Я знала это.

Когда девушка извинилась и направилась в дамскую комнату, воздух, между нами, вдруг стал густым и тягучим. Тишина нависла плотным покрывалом, сквозь которое едва пробивалось журчание фонтана. Руслан нарочито медленно поправил салфетку, избегая моего взгляда. Его дыхание стало чуть более частым - я видела, как поднимается и опускается узел галстука на его шее. В этом молчании было столько невысказанного, что мне захотелось вскочить и убежать. Но я лишь сжала руки на коленях так сильно, что ногти впились в ладони.

— Рус... — мой голос предательски дрогнул, слова будто застряли в пересохшем горле. — Мне... есть о чем беспокоиться?

Он замер. Время словно растянулось. Секунда молчания превратилась в вечность. Или мне просто так показалось — ведь сердце колотилось так бешено, что искажало все ощущения.

— Конечно нет, — наконец ответил он поворачиваясь ко мне всем корпусом.

В его глазах вспыхнула та самая решимость, что была в тот вечер у реки, когда он повязал мне браслет с надписью "Навсегда". Но сейчас в этом взгляде было что-то новое — какая-то натянутость, будто он играл роль, которую сам же и придумал.

— Я твой муж. Ты моя жена. Так будет всегда, — произнес он четко, размеренно, как будто зачитывал пункты контракта.

Раньше эти слова заставляли меня таять, как первый снег под весенним солнцем. Сейчас же они упали в душу тяжелым ледяным комом. В груди сжалось так, что стало трудно дышать, а в горле встал ком, который не получалось проглотить.

Он сказал это с той же уверенностью, с какой подписывал важные деловые документы. А я... Я так отчаянно хотела услышать что-то другое. Простое, теплое, настоящее: "Я твой, Даш... Ты же знаешь, как я люблю тебя". Но этих слов

не последовало.

И тогда, впервые за все пятнадцать лет нашей совместной жизни, в моей голове зародилась страшная, предательская мысль: а вдруг наше "навсегда" уже подошло к концу? Вдруг оно осталось там, в прошлом, вместе с браслетом, который я все еще носила, но который вдруг стал казаться таким тяжелым?

В этот момент официант поставил перед нами напитки. Звонко стукнула фарфоровая чашка с двойным экспрессо Руслана — крепким и горьким. Рядом — мой капучино с сердечком из пенки, которое уже начало расплываться. И... яркий, жизнерадостный фруктовый смузи для той... другой Даши.

Я смотрела, как капли конденсата стекают по бокалу, и думала о том, что наша любовь, похоже, тоже начала таять — медленно, незаметно, капля за каплей.

Глава 6

Десять лет назад

Я вздрогнула, ощутив первые легкие поцелуи, рассыпанные по моему плечу. Его губы были теплыми и чуть влажными, каждое прикосновение оставляло на коже невидимый след, будто прожигающий меня изнутри. Его пальцы медленно блуждали по шелковой лямке ночной сорочки, и я почувствовала, как тонкая ткань соскользнула вниз, обнажая кожу.

— Ммм... — вырвалось у меня, когда он слегка прикусил чувствительное место у основания шеи.

Руслан развернул меня к себе, и я оказалась на спине, уткаясь в мягких подушках. Его глаза в полумраке спальни казались почти черными, зрачки расширены желанием.

— Готова отметить деревянную свадьбу? — его голос звучал низко, с той самой хрипотцой, которая всегда заставляла мое сердце биться чаще.

Я обвила его шею руками, чувствуя под пальцами жесткие волоски на затылке. Мои губы коснулись его губ — сначала легко, почти неуверенно, потом страстнее, когда он ответил на поцелуй.

— Готова, — прошептала я ему в губы, ощущая, как его руки тянут вверх подол сорочки.

Ткань мягко соскользнула с моего тела, и его ладони сразу же нашли мою грудь. Пальцы скользили по коже, будто запо-

миная каждую выпуклость, каждую родинку.

— Ты такая нежная... — его шепот обжег мое ухо, пока губы опускались по шее, оставляя влажный след.

Я закинула голову назад, когда его рука медленно поползла вниз — по покатоному животу, к бедру, дальше... Каждое прикосновение будто прожигало меня, заставляя тело выгибаться навстречу.

— Рус... — мое дыхание участилось, когда его пальцы нашли особенно чувствительное место.

Все смешалось — прерывистое дыхание, скрип кровати, наши приглушенные стоны. Мир сузился до точки, где наши тела соединялись, до жара его кожи, до густого аромата нашего секса, витающего в воздухе.

Потом мы лежали, сплетенные, как единое целое. Наши пальцы переплелись, а с моего запястья свисал браслет с той самой подвеской — "Навсегда". Он коснулся ее, провел пальцем по холодному металлу, и я увидела в его глазах то же, что было несколько лет назад у реки.

— Как тебе начало нашего дня? — спросил он, целуя мою ладонь.

— Восхитительно, — прошептала я, прижимаясь лицом к его колючей после ночи щеке.

За окном город постепенно оживал — где-то хлопнула дверь, запели первые птицы, проехала машина, разбрызгивая утреннюю росу. Я чувствовала, как грудная клетка Руслана медленно поднималось и опускалось под моей ладонью,

а его сердце билось ровно и спокойно.

Он первым нарушил эту уютную тишину, нежно коснувшись губами моей макушки. Его дыхание было теплым, когда он прошептал:

— Сегодня только мы.

Эти простые слова наполнили меня таким теплом, что я невольно прижалась к нему ближе, вдыхая знакомый запах его кожи.

Мы решили не завтракать дома, нарушив привычный утренний ритуал. Вместо этого вместе собирали корзину для пикника, будто возвращаясь к нашим самым первым свиданиям.

— Не забудь круассаны, — напомнила я, пока Руслан нарезал сыр.

— Как будто я мог забыть, — он улыбнулся, доставая из пакета еще теплую выпечку.

В корзину отправились: свежие круассаны из той самой булочной, где мы покупали хлеб все это время — маслянистые, с хрустящей корочкой; сочные персики, от которых сок стекает по пальцам — я их обожаю; спелые груши сорта "конференция" — его любимые; бутылка охлажденного гранатового сока.

В парке мы нашли уединенное место под раскидистым кленом, чьи листья создавали кружевную тень. Расстелив плед, я вдруг поймала себя на мысли, что это тот самый, который мы купили для нашего первого пикника. Выцветший,

с потертыми краями, но такой родной.

— Помнишь, как ты тогда уронила персик мне на единственную рабочую рубашку? — Руслан улыбнулся, откусывая грушу. Сок стекал по его пальцам, и я машинально поставила ладонь, чтобы поймать каплю.

Мы болтали обо всем — о новых книгах, о глупом споре с Сашкой, о том, как в прошлом году забыли выключить воду и чуть было не затопили соседей. И конечно, вспоминали наше начало: первую встречу, тот вечер, когда он повязывал мне тот самый браслет, нашу смешную попытку приготовить ужин в первую годовщину, когда дым заполонил всю кухню.

После мы гуляли, держась за руки, как в восемнадцать лет. Его ладонь — крепкая, слегка грубоватая, но все такая же теплая — крепко сжимала мою. Большой палец автоматически выводил круги на моей коже, и от этого простого жеста по спине бежали мурашки.

— Рус, смотри! — Я указала на катамараны, и он сразу понял мою мысль.

— Ты же знаешь, что я терпеть не могу эти колымаги, — проворчал он, но глаза смеялись.

Через пять минут мы уже покачивались на воде. Я нарочно крутила педали медленно, чтобы продлить момент, а он делал вид, что сердится, но не мог скрыть улыбку. Когда я плеснула на него водой, он ответил тем же — мы смеялись, а брызги сверкали на солнце, как тысячи крошечных алмазов.

Рядом проплывал катамаран, наполненный детским сме-

хом. Мальчуган лет семи озорно брызгал водой на свою младшую сестренку, которая визжала от восторга, пытаясь увернуться. Их родители переглядывались с той особой теплотой, которая бывает только у людей, прошедших через все трудности вместе.

Я неосознанно сжала пальцы Руслана, чувствуя, как что-то щемяще-тёплое сжимает мне горло.

— Жаль... — сорвалось у меня шёпотом, когда я увидела, как отец подхватывает малышку на руки, помогая ей сорвать веточку ивы.

Руслан медленно повернул мое лицо к себе. Его пальцы, еще влажные от речной воды, казались необычайно теплыми на моей коже. В этом жесте была странная смесь нежности и твердой уверенности, словно он хотел не просто привлечь мое внимание, а запечатлеть этот момент в моей памяти.

— У нас всё будет, Даш, — его голос звучал тихо, но с той внутренней силой, которая всегда заставляла меня верить каждому его слову. — Верь мне. — Его большой палец нежно провел по моей щеке, стирая невидимую слезу. — Главное, что есть ты... И я.

В тишине, наступившей после этих слов, я вдруг осознала простую истину. Наша любовь не утратила своей полноты оттого, что в ней не звучит детский смех. Она стала иной — более осознанной, выстраданной, наполненной тем особенным пониманием, которое приходит только с годами, проведенными бок о бок. В ней не было беззаботности первых лет,

зато появилась та глубина, что рождается из совместно пережитых испытаний, из тысяч прощенных обид, из умения молча понимать друг друга.

Это была любовь, выкованная временем — прочная, как сталь, и в то же время хрупкая, как утренняя роса на лепестках тех роз, что он дарил мне каждую годовщину. Любовь, в которой мы научились ценить не громкие признания, а это тихое "ты и я", произнесенное с такой непоколебимой уверенностью.

***

Наш любимый ресторан встретил нас теплым светом хрустальных люстр и нежными переливами рояля. Живая музыка — "Song from a Secret Garden" в исполнении Mina Wafik и Marsellio — струилась между столиками, смешиваясь с тихим звоном бокалов и сдержанным шепотом гостей.

Я наблюдала, как Руслан с привычной аккуратностью разрезает утиную грудку — наше фирменное блюдо. Его пальцы двигались уверенно, но я, изучившая каждую черточку его рук за эти годы, видела мельчайшие детали: как напрягается сустав на указательном пальце, когда нож встречает сопротивление, как подрагивает жилка на запястье, как он слегка прикусывает нижнюю губу, когда особенно сосредоточен.

— Помнишь наш первый ужин здесь? — Он поднял взгляд. — Ты тогда так нервничала, что пролила "Мерло" на новое платье.

Я провела пальцем по кромке бокала, ощущая его глад-

кость:

— А ты сказал, что красное вино на белом — это к счастью. — Моя улыбка дрогнула, когда в памяти всплыл тот вечер: мои дрожащие руки, бесконечные поправки прически, как мы оба боялись сделать что-то не так.

Позже, в спальне, воздух был наполнен ароматом алых роз — его утреннего подарка.

Он подошел сзади, и его дыхание обожгло мою шею, пока пальцы скользили по молнии платья. Шелк с легким шелестом соскользнул на пол, и в тот же миг что-то холодное коснулось кожи. В зеркале я увидела отражение — гранатовое сердце в обрамлении бриллиантов, лежащее точно в ямочке между ключицами, мерцающее в мягком свете ночника.

— Я снова отдаю тебе свое сердце, — его губы коснулись того места, где теперь покоился кулон. — Только теперь это не просто нитка с подвеской.

Я повернулась и прижала ладонь к его груди, чувствуя под пальцами знакомый ритм его сердца:

— Спасибо, Рус. Но знаешь... Для меня ценность того браслета и этого камня — одинакова.

Он рассмеялся, и в его глазах вспыхнули те самые искорки, что зажигались, когда он был по-настоящему счастлив:

— Потому что главное — не цена подарка, а то, что за ним стоит.

Мы любили друг друга этой ночью медленно, словно впервые. Его губы выписывали на моей коже нежные признания,

а пальцы заново открывали знакомые изгибы — родинку под левой лопаткой, шрам от детской прививки на плече, едва заметную впадинку у основания шеи. Каждое прикосновение было одновременно знакомым и новым, как мелодия, сыгранная на другом инструменте.

Когда я засыпала, прижавшись спиной к его груди, последнее, что я ощутила — как его ладонь легла на гранатовое сердце, а губы коснулись моего плеча:

— Навсегда, Даш. Как и обещал.

Глава 7

Беспокойство уже несколько дней не отпускало меня, как назойливая мелодия, которую не можешь выбросить из головы. Внешне все шло своим чередом: я занималась любимым делом, в перерывах писала небольшие портреты и разучивала новую композицию на гитаре. Хотела сделать сюрприз Руслану на годовщину — исполнить для него песню Агутина «Я буду всегда с тобой». Уже несколько недель репетировала по вечерам, когда он задерживался на работе, представляя, как его глаза засияют от неожиданности, когда он услышит первые аккорды.

Но в нашей семье было не все так гладко, хотя внешне ничего не изменилось. Руслан по-прежнему был нежен и внимателен: по утрам заваривал мой любимый облепиховый чай с медом, целовал в шею, когда проходил мимо, спрашивал, как прошел мой день. Но эта его постоянная задумчивость... Она висела, между нами, невидимой пеленой.

Почти каждую ночь я просыпалась от того, что его место в кровати было пустым. Вначале думала — просто встал в туалет, но, когда это повторялось снова и снова, начала искать. И неизменно находила его на балконе — он стоял, опершись о перила, с сигаретой в руках, глядя на холодную луну, которая освещала его профиль, делая его черты резкими и чужими.

— Рус, что с тобой? — спросила я как-то, выходя к нему босиком, чувствуя, как прохладная плитка леденит ступни.

Он вздрогнул, не ожидая меня увидеть, и пепел с сигареты рассыпался, как мелкий снег.

— Бессонница, — ответил коротко, даже не поворачиваясь, его голос звучал глухо, будто доносился из-под воды.

— Пойдем спать, — потянула его за руку, ощущая, как его пальцы, обычно такие теплые, сейчас холодные и напряженные.

Он обернулся, и в его глазах я увидела такую темную печаль, что мне стало физически больно, будто кто-то сжал сердце в кулаке.

— Иди, Даш, я еще немного постою...

— Тогда я останусь с тобой.

Он вздохнул, и мне показалось, что в его взгляде мелькнуло что-то вроде... раздражения? Или усталости?

— Как хочешь.

Так мы и стояли, молча, под холодным светом луны, и только дым от его сигареты вился, между нами, как призрак чего-то невысказанного. И так продолжалось уже несколько ночей подряд. Я не понимала, что с ним происходит, но в душе разливалась тяжелая, липкая тоска, которая с каждым днем становилась все невыносимее.

***

Сегодня я решила сделать сюрприз — заскочить к мужу в конце рабочего дня, вдохнуть немного романтики в на-

ши будни. В сумке лежали два билета на вечернюю морскую прогулку, а в голове — планы на ужин при свечах и не менее романтическую ночь.

Подъехала к бизнес-центру за полчаса до окончания рабочего дня. Парковка еще была полна машин, но некоторые уже начали разъезжаться. Воздух был наполнен ароматом нагретого асфальта и цветущих каштанов. Поднялась на пятый этаж, где располагался офис Руслана.

Кабинет секретаря был пуст, и я сразу направилась к двери мужа. Она была слегка приоткрыта. Заглянула — вдруг у него совещание? Но нет.

Руслан сидел, развалившись в кожаном кресле, с мрачным лицом. Перед ним, спиной ко мне, сидел Сашка. Они о чем-то спорили, и напряжение в воздухе было таким густым, что его можно было разрезать ножом.

— Ты чего творишь?! — Сашка резко вскинул руки, его голос дрожал от ярости. Он всегда был эмоционален, но сейчас в его словах звучала настоящая боль.

— Что ты от меня хочешь? — устало спросил Руслан, потирая переносицу, как будто пытаюсь стереть невидимую плену усталости.

— Хочу, чтобы ты не совершил самую большую ошибку в своей жизни! — Сашка ударил кулаком по столу, и я невольно вздрогнула. Никогда не видела его таким. О чем они вообще? Какая ошибка? Может, дело в работе?

Руслан закрыл лицо руками, его пальцы вцепились в во-

лосы так, что суставы побелели. "Боже, он же действительно страдает", — с ужасом осознала я. Но от чего? От чего страдает мой муж, который еще утром целовал меня в макушку, а ночью прижимал меня так как будто не хотел отпускать?

— Саня, ты не понимаешь...

— Ну, просвети меня! — Сашка вскочил, его тень на стене казалась огромной и угрожающей. Я невольно отпрянула, прижимаясь к дверному косяку. "Почему я стою здесь и подслушиваю? Мне нужно войти, прервать этот разговор... Но ноги будто приросли к полу."

— В груди раздрай... Уже несколько недель не нахожу себе места... Меня разрывает изнутри. Понимаешь? — Голос Руслана звучал так, будто он говорил сквозь стекло — приглушенно, нечленораздельно. "Это не мой Руслан, не может быть. Мой муж никогда не говорил так... Мой муж всегда знал, чего хочет."

— Нет, не понимаю! Ты с женой сколько лет, а с этой... Как у тебя вообще возникли такие мысли?

"С этой". Эти два слова врезались в сознание, как нож. В ушах зазвенело, и мир на секунду поплыл перед глазами. "Какая "эта"? О ком они говорят? Нет, нет, нет, это какая-то ошибка..." Но где-то в глубине души уже начинало прорастать понимание — вот откуда его бессонные ночи, его отстраненность, его взгляд, устремленный куда-то далеко.

— Нет у меня никаких мыслей! — Руслан вдруг закричал, и я вздрогнула — он редко повышал голос. — В душе только

тяжесть от того, что я... что я полюбил того, кого не должен был. Что уже этим предал свою жену.

Казалось, пол уходит из-под ног. «Он... любит другую? Мой Руслан? Тот, кто клялся мне в вечной верности...» В груди стало так холодно, что я едва не задохнулась. «Нет, он просто запутался, устал, это пройдет...»

— А ты уверен, что это любовь?

— Ни в чем я не уверен. Но знаю одно — Дашу я не брошу. Она не заслужила такого отношения. И...

— Что "и"?

— Я дал ей клятву. Что мы будем вместе...

"Клятва. Да, он дал клятву. Но разве можно удержать человека только клятвой? Разве я хочу, чтобы он оставался со мной из чувства долга?" Эти мысли проносились в голове с бешеной скоростью, пока я стояла за дверью, цепenea от каждого слова.

— Так держись своей клятвы!

— Держусь. Но сердце ноет, понимаешь? Думаю о ней постоянно. Лежу в одной кровати с женой — а мысли о другой. Пью чай с Дашкой — а перед глазами лицо другой...

Каждая фраза была как удар хлыста. "Как давно это продолжается? Кто она? Коллега? Знакомая? Подруга?" В голове мелькали лица всех женщин, с которыми он общался в последнее время. "И самое страшное — он лежит рядом со мной и думает о ней. Все это время, все эти ночи..."

— Значит, сделай так, чтобы этой другой и близко не бы-

ло. Тогда и думать не будешь.

— Не могу...

— Не можешь или не хочешь?

Пауза повисла в воздухе, густая, как сироп. Я замерла, боясь пошевелиться, боясь пропустить самое главное.

— Не хочу.

Эти два слова раздалились как выстрел. "Не хочет. Не хочет забыть ее. Не хочет бороться. Не хочет... меня." В этот момент что-то внутри разорвалось на тысячи осколков.

Я не помнила, как оказалась в лифте. "Не хочет..." — стучало в висках в такт бешеному сердцебиению. "Не хочет..." Эти слова крутились в голове, смешиваясь с обрывками воспоминаний — наш первый поцелуй, его руки, завязывающие тот самый браслет, его смех, когда мы купались в реке...

Я вышла на улицу, и слезы хлынули сами собой. Они текли по лицу, смешиваясь с косметикой, капали на платье. Боль в ноге усилилась. Я с трудом добрела до машины и рухнула на сидение.

Наши билеты на морскую прогулку теперь казались насмешкой. Я сжала их в кулаке, чувствуя, как бумага впивается в ладонь. "Может, мне нужно с ним поговорить? Спросить прямо? Или... или просто уйти, пока он не сделал этот выбор за нас обоих?"

***

Квартира встретила меня гробовой тишиной. Я металась по комнатам, как раненый зверь в клетке, не находя себе ме-

ста. "Как жить дальше? Как смотреть ему в глаза? Как спать в одной кровати, зная, что он мечтает о другой?" Эти вопросы разрывали меня на части.

Когда зазвонил телефон, я вздрогнула, как от удара током. Его имя на экране. "Что я могу ему сказать? Как можно говорить, когда между нами теперь эта пропасть?" Я не смогла ответить. Не смогла слышать его голос — тот самый голос, который час назад признавался в чувствах к другой.

Сообщение "Буду поздно. Не жди меня" только подтвердило мои худшие опасения. "Он с ней сейчас? Смеется, обнимает ее, целует? Или мучается, как и я, разрываясь между долгом и чувством?"

Я опустила на диван в гостиной, там, где мы обычно смотрели фильмы по выходным, обнявшись. Теперь я сидела одна, обхватив колени, и тихо стонала от боли, которая разливалась по всему телу. "Как же так? Мы же были счастливы! Или это только мне так казалось? Сколько времени он уже увлечен ею? Когда все началось?"

За окном темнело, и тени в комнате становились все длиннее, будто сама тьма пыталась поглотить меня. А в голове, сквозь хаос мыслей и обрывков воспоминаний, звучали бесконечные вопросы: "Почему? Почему он? Почему мы? Почему... она?"

Глава 8

Пять лет назад

Утро началось с солнечных лучей, пробивавшихся сквозь мартовскую дымку. Воздух был прозрачным и холодным, но в нём уже угадывалось дыхание весны – лёгкое, едва уловимое, но такое желанное после долгой зимы. Я стояла у окна, вдыхая этот свежий воздух, и думала о том, как хорошо, что сегодня наконец-то выберусь из дома.

Мы с Машей давно планировали эту встречу – пройтись по магазинам, выпить кофе в новом кафе, поболтать о всяких пустяках, от которых так хорошо становится на душе. Моя машина была в сервисе – плановый техосмотр, – поэтому пришлось вызвать такси. Жёлтая иномарка мягко покачивалась на ухабах, везя меня в центр города.

Я смотрела в окно, наблюдая, как мелькают огни светофоров, как прохожие, шурясь от яркого солнца, спешат по своим делам. В голове крутился список покупок: новое платье к корпоративу Руслана (он уже неделю напоминал, что мне срочно нужно что-то элегантное), сапоги (моя хромота вечно портила обувь быстрее, чем хотелось бы), может быть, ещё какие-нибудь милые безделушки для дома...

И тут раздался звонок. Руслан.

— Привет, — ответила я, и губы сами собой растянулись в улыбке. Так всегда бывало, стоило только услышать его го-

лос.

— Привет. Ты куда-то едешь? — спросил он, и в его голосе я уловила лёгкую тревогу.

Он всегда волновался, когда я куда-то выезжала одна. Даже несмотря на то, что в целом поддерживал мою самостоятельность, его внутренний "режим тревоги" срабатывал каждый раз, стоило мне выйти за порог.

— Да, с Машей... — начала я, но договорить не успела.

Удар.

Глухой, оглушающий, сокрушительный. Мир резко дёрнулся, завертелся, и в следующее мгновение моя голова с силой ударилась о переднее сиденье. В ушах звенело, в глазах плавали тёмные пятна. Я не сразу поняла, что произошло.

Телефон выскользнул из рук и с глухим стуком упал на пол. Где-то вдали, будто из-под воды, доносился голос Руслана:

— Даша! Даш, ты слышишь меня? ДАША!

Но ответить я не могла. Острая боль разливалась по голове, спускалась к шее, перетекала в левую руку и мою много-страдальную ногу.

Провал.

Следующее, что я помню – чужие руки, осторожно вытаскивающие меня из машины.

— Вытаскиваем её, мужики... Аккуратнее! — чей-то голос, далёкий, словно из другого измерения.

Я застонала.

— Держись, — услышала я прямо над ухом. — Скорая уже подъезжает.

Снова провал.

Очнулась я уже в реанимации. Как оказалось, несмотря на сотрясение мозга, открытый перелом руки и травму ноги, мне ещё повезло. Водитель такси погиб, не приходя в сознание. Позже, уже из новостей, я узнала, что виновник аварии — пьяный водитель, вылетевший на встречную полосу.

Несколько дней я провела в реанимации. Не могла ни позвонить, ни увидеть Руслана. Медсёстры рассказывали, что он буквально осаждал больничный телефон, умоляя сообщить хоть какие-то новости.

Когда меня наконец перевели в общую палату, он пришёл в тот же день. Бледный, осунувшийся, с тёмными кругами под глазами. Казалось, он пережил эту аварию вместе со мной.

Он быстрыми шагами подошёл ко мне, опустился на корточки и бережно поцеловал пальцы моей здоровой руки.

— Прости... — прошептала я, касаясь его небритой щеки.

— За что?! — он закрыл глаза, и я видела, как тяжело ему дышать.

— За то, что напугала тебя... — еле слышно сказала я.

— Дашка... — его голос сорвался. — Я думал... я...

Он резко провёл ладонью по лицу, смахивая то ли пот, то ли предательские слёзы.

— Всё нормально, — попыталась я улыбнуться, но боль

сковала лицо. — Просто перелом...

— Просто... Ты лежишь вся белая, как мел, а говоришь "ПРОСТО"?! Как только тебя выпишут, готовься – на месяц отправляю тебя в санаторий. Врачи говорят, ты быстро идёшь на поправку, но с открытым переломом и сотрясением не шутят. Да и нога твоя пострадала...

Я уже было замотала головой, представляя, как он будет меня туда буквально заталкивать. Но Руслан тут же перебил:

— Даже не думай возражать. Поедешь. И точка. Вон, Машку с собой возьмёшь – вдвоём веселее.

Дни после аварии слились в одно бесконечное, мучительное ожидание. Рука болела так, что по ночам я кусала губы, чтобы не застонать. Но Руслан не спал. Он ворочался, прислушивался к каждому моему вздоху, каждому движению.

— Тебе опять больно? — его шёпот в темноте звучал хрипло.

— Немного... — признавалась я.

Он тут же вскакивал, приносил таблетки, поправлял подушку, гладил мои волосы.

— Дурочка, — бормотал он, целуя меня в висок. — Почему не разбудила сразу?

— Ты и так не спишь...

— А мне спать не надо, — отрезал он. — Ты должна поправиться. Точка.

И в его глазах читалось столько отчаяния, столько немой мольбы... Будто если я не выздоровею – он сломается сам.

Иногда, когда боль становилась невыносимой, я плакала. Тихо, чтобы он не услышал. Но он слышал. Всегда.

— Даш... — он обнимал меня осторожно, будто я была хрустальной. — Потерпи ещё немного. Всё пройдёт.

— А если не пройдёт? — в голосе моём дрожали слёзы.

— Пройдёт, — он целовал макушку. — Потому что я не позволю иначе.

И я верила. Потому что в эти минуты он держал меня крепче, чем боль.

Сейчас, спустя пять лет, шрам на руке почти не виден. Но мы оба помним.

— Рус... — как-то спросила я. — А если бы тогда всё было... хуже?

Он резко обернулся, и в его глазах я увидела тот же ужас, что и тогда.

— Не смей даже думать, — хмуро сказал он. — Не смей...

И я знала – это не пустые слова. Потому что в тот день я поняла: для него нет ничего страшнее, чем потерять меня.

Глава 9

Глубокой ночью я лежала, уткнувшись лицом в подушку, но сон не приходил. В темноте комнаты только тиканье часов на тумбочке нарушало тишину, отсчитывая секунды. Я ворочалась, пытаясь найти положение, в котором сердце болело бы меньше, но боль была не физической - она сидела где-то глубоко внутри, разливаясь тягучим ядом по всему телу.

И вдруг - звук ключа в замке.

Я замерла. Дверь скрипнула, и в прихожей раздались его шаги – тяжелые, усталые. Руслан вернулся. Поздно. Очень поздно.

Он прошел на кухню, потом в ванную. Я слышала, как включилась вода, как шумел душ - будто он пытался смыть с себя что-то большее, чем просто уличную пыль. Минут через двадцать вода стихла, и в коридоре снова раздались шаги. Они приближались к нашей спальне, но с каждой секундой становились все медленнее, словно между нами существовало невидимое силовое поле, которое становилось плотнее с каждым его шагом.

Дверь приоткрылась.

Я не видела его в темноте, но кожей ощущала его присутствие - он замер в дверном проеме, словно невидимая преграда не пускала его дальше. В комнату ворвался тяжелый шлейф - терпкий алкогольный дух, перемешанный с едким

табачным смогом, будто он целую ночь провел в прокуренном баре. Он пил. Он курил. Опять.

Я лежала неподвижно, но каждый нерв в моем теле напрягся, улавливая малейшие звуки - как он переминается с ноги на ногу, как сдерживает дыхание. Он стоял там, за порогом нашей спальни, и эта нерешительность говорила больше, чем любые слова. В этом молчаливом стоянии было столько боли, столько невысказанного, что ком подкатил к горлу.

Он не вошел.

Простояв так, показавшуюся мне вечностью, он тихо приоткрыл дверь. Его шаги затихли вдалеке – то ли на кухне, то ли в гостиной. А я лежала, стиснув зубы, чувствуя, как горячие слезы растекаются по лицу и впитываются в подушку.

Нос заложило, глаза щипало, но я даже не пошевелилась. В голове крутились одни и те же вопросы:

Как нам это пережить?

Что я должна сделать?

А нужно ли вообще что-то делать?

Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

Нет. Так не может продолжаться.

Но что делать дальше – я не знала.

За стеной хлопнула дверь холодильника, звякнула бутылка. Он пьет. Один. В темноте. Так же, как и я плачу – в тишине, чтобы никто не услышал.

Мы оба страдали. Мы оба молчали.

И хуже всего было то, что я не понимала – как нам снова

найти дорогу друг к другу.

***

Первые лучи солнца пробивались сквозь щели между шторами, окрашивая комнату в бледно-золотистые тона. Я открыла глаза, чувствуя, как веки наливаются свинцовой тяжестью. Ночь не принесла отдыха - только бесконечные мысли, сомнения и слезы, впитавшиеся в подушку.

Потянувшись к тумбочке, я нащупала телефон. Восемь утра. Руслан уже ушел.

Я медленно поднялась с кровати, и каждая мышца отзывалась ноющей усталостью, будто я не спала, а провела ночь в изнурительном путешествии по кругам собственного ада. Подойдя к зеркалу, я увидела отражение незнакомой женщины - с бледным лицом, красными, чуть припухшими глазами и синяками под ними.

"Ну и вид..." - мысленно усмехнулась я себе, проводя пальцами по отеку века.

На кухне пахло облепихой.

На столе, как и каждое утро, дымилась кружка чая - золотисто-янтарная, с плавающими ягодами. И записка - "Твои витаминки... извини, вчера пришел поздно. Исправлюсь."

Простой листок, вырванный из блокнота. Всего несколько слов, написанных его размашистым почерком. Будто и не было вчера этих долгих часов ожидания, этих страшных мыслей, этой невыносимой боли.

Я взяла записку в руки, ощущая, как бумага слегка дро-

жит в пальцах. Он не оправдывался. Не писал длинных объяснений. Просто... "Исправлюсь".

"Исправлюсь..." - повторила я вслух, и слово повисло в воздухе, наполненное тысячами смыслов.

Исправлюсь, что не любил тебя?

Исправлюсь, что вчера пришел в час ночи?

Исправлюсь, что впервые за пятнадцать лет, находясь в одной квартире, спал отдельно от тебя?

Губы сами собой дрогнули в горькой улыбке.

Я сделала глоток чая. Горячий, кисло-сладкий, согревающий изнутри. Таким он бывает, только когда Руслан заваривает его сам - кладет чуть больше меда, потому что помнит: я люблю послаще.

А может, не все потеряно?

Может быть, эти маленькие знаки внимания — его способ сказать то, что он сам еще не осознает? Возможно, где-то в глубине души он все еще тот самый Руслан, который когда-то шел через весь город под дождем, чтобы принести мне любимые пирожные? Тот, кто ночами сидел у моей больничной кровати, не выпуская мою руку из своих? Тот, кто пятнадцать лет назад дал клятву в забытой деревушке на берегу реки?

Я прижала листок к груди, ощущая, как бумага слегка шелестит под пальцами. Закрыла глаза и сделала глубокий вдох, пытаясь уловить в этом жесте хоть крупицу былой нежности.

"Исправлюсь."

Всего одно слово. Всего семь букв. Но в них — целое море смыслов. Это и признание вины, и робкое обещание, и крик души человека, который сам не понимает, как оказался на этом краю. И, кажется, в этот момент я была готова поверить в это хрупкое "исправлюсь" сильнее, чем во все его прежние клятвы.

Эти простые буквы всколыхнули во мне что-то теплое и почти забытое — слабый огонек надежды, что наши трещины еще можно залатать. Ведь где-то там, под слоями усталости, обид и недопонимания, все еще живет мой Руслан. Тот, кто сейчас сам запутался в своих чувствах, кто не в силах разобраться, что в его сердце правда, а что — лишь мимолетная иллюзия.

А я... я помогу ему понять. Напомню о наших рассветах, о смехе, раздававшемся по всей квартире, о тех тысячах "буду рядом", которые он шептал мне в темноте. Разбужу в нем память о нас — настоящих, не сломленных, не уставших друг от друга.

Я должна помочь.

Потому что иначе... иначе мне придется смириться с тем, что пятнадцать лет нашей жизни превратились в пыль. А на это у меня просто не хватит сил.

Солнечный луч упал на записку, высвечивая неровные буквы. Я провела пальцем по этим строчкам, словно пытаюсь через бумагу дотронуться до его души.

"Исправлюсь."

Ну что ж, милый. Давай попробуем.

Я помогу тебе понять, что ты любишь меня. Я помогу тебе
вспомнить об этом.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.